

Даниэла
тмл

Только
раз в жизни

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Серия «Даниэла»
Danielle Steel
ONCE IN A LIFETIME

Перевод с английского *Г. Г. Лепилина*

Перевод стихов *Т. К. Лепилиной*

Серийное оформление *А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко*
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Morton L. Janklow Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency

Стил, Даниэла.

С80 Только раз в жизни : [роман] / Даниэла Стил ;
[пер. с англ. Г. Г. Лепилина]. — Москва : АСТ, 2015. —
352 с. — (Даниэла).

ISBN 978-5-17-089275-4

Такое чудо случается лишь раз в жизни...

Она была сильной, целеустремленной, талантливой. Она вызывала любопытство, уважение, зависть. Она умела быть очаровательной, веселой, неистовой. У нее было все, кроме счастья. Больше всего на свете она хотела быть счастливой, но не знала, как этого добиться. И однажды встретила мужчину, который сумел объяснить ей, что для счастья нужно лишь одно — научиться любить и быть любимой...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Danielle Steel, 1982
© Перевод. Г. Г. Лепилин, 1993
© Перевод стихов. Т. К. Лепилина, 1993

ISBN 978-5-17-089275-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Посвящается Джону

ТОЛЬКО РАЗ В ЖИЗНИ

*Поверь мне, в жизни
только раз
момент любви
находит нас.*

*Много их,
лишь к нам
слепых.*

*Но если ты
силен и храбр,
правдив
и смел*

*и рядом
случай
пролетел,
не дай ему
уйти,*

*ведь нам не знать
его пути;
любовь исчезнет
поутру,
а ты сжимаешь
пустоту.*

*Услышишь сердцем,
как судьба
даст знать
тебе в окошко:*

не бойся, крошка,
платить сполна.
Любви цена
мала

всегда,
какой бы
ни была,
любой ценой
узнай любовь,

она лишь
раз
находит
нас.

(Перевод Т. К. Лепиной)

Глава 1

Когда в рождественский сочельник в Нью-Йорке идет снег, город внезапно преображается. Если посмотреть из окна на Центральный парк, можно увидеть, как постепенно все окутывает белая снежная пелена, все кажется таким неподвижным, таким спокойным... Однако ниже, на улицах, по-прежнему шумит большой город: гудки машин, людская речь; только гул шагов, транспорта, всеобщей спешки становится приглушенным, как бы неясным.

В последних часах ожидания Рождества есть какое-то замечательное напряжение, готовое вот-вот взорваться смехом и подарками... Прохожие спешат домой с охапками пакетов в руках, уличные певцы колядуют, бесчисленные Санта-Клаусы, подвыпившие и румяные, радуются, что наступил последний вечер их торчания на холоде, мамы крепко держат за руку детишек, беспокоятся, чтобы те не упали, улыбаются и смеются. Все торопятся, все взволнованны, всех в этот неповторимый вечер объединяет одно... Веселого Рождества!.. — машут швейцары, радуясь рождественским чаевым. Через день, через неделю возбуждение будет забыто, подарки развернуты, ликер выпит, деньги истрачены, но в сочельник еще ничто не закончилось, все только начинается. Для детей кульминация месяцев ожидания, для взрослых безумного периода покупок, столпотворения, поиска подарков... время свежих, как падающий снег, надежд, ностальгических улыбок, воспоминаний далекого детства и юности.

Время воспоминаний, надежды, любви.

Снег шел не переставая, и движение на улицах стало наконец затихать. Сильно похолодало, и только редкие пешеходы брели по снегу, хрустящему у них под ногами. То, что днем было слякотью, теперь превратилось в лед, который скользил, скрытый шестью дюймами свежего снега. Ходить стало опасно, и к семи часам движение совсем замерло. Воцарилась непривычная для Нью-Йорка тишина. Лишь изредка сигналили автомобили да случайные прохожие звали такси.

Голоса дюжины людей, расходившихся с вечеринки из дома № 12 по 64-й улице, звучали как веселый колокольный перезвон. Они смеялись, пели, так как чудесно провели время. На вечеринке были и жженка, и глинтвейн, шампанское лилось рекой, была огромная елка и много попкорна. Уходя, каждый получил небольшой подарок: кто флакончик духов, кто коробку конфет, кто миленький шарфик или книгу. Принимали гостей бывший литературный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» и его жена, известная писательница. Среди приглашенных были подающие надежды писатели, известные пианисты, выдающиеся красавицы и умы Нью-Йорка. Все они собрались в большой гостиной их городского дома, где дворецкий и две служанки разносили закуски и напитки. Это была традиционная вечеринка в сочельник, продолжавшаяся обычно до трех-четырёх часов утра. В числе немногих, кто покинул ее незадолго до полуночи, была миниатюрная блондинка в большой норковой шапке и длинной темной норковой шубе. Всю ее фигуру окутывал густой шоколадного цвета мех, а лицо едва виднелось из-под воротника. Она на прощание помахала своим друзьям и пошла домой пешком, а не поехала вместе с ними. В этот вечер она видела достаточно людей, и теперь ей нужно было побыть одной. Ей всегда было тяжело во время рождественского сочельника. Многие годы она проводила его дома, но в этот вечер решила поступить иначе: ей захотелось повидать друзей, хотя бы ненадолго, и все были удивлены и обрадованы ее появлением.

— Рады видеть тебя, Дафна. Наконец-то ты вернулась в Нью-Йорк. Работаешь над книгой?

— Я только начала.

Большие голубые глаза излучали доброту, а нежная свежесть лица маскировала ее возраст.

— И это значит, что ты закончишь ее на следующей неделе?

Было известно, что обычно она пишет очень быстро. Весь же прошедший год был посвящен работе над фильмом.

Веселая улыбка ответила на привычную шутку. Зависть... любопытство... уважение. Она была женщиной, которая вызывала все эти чувства, целеустремленной, решительной, заметной в литературных кругах, хотя по-настоящему в них не вращалась. Всегда казалось, что она чуть в стороне, недосыгаема, когда же смотрела на вас, возникало ощущение, что она касается самой души. Словно видит все и в то же время как бы не хочет быть замеченной. Когда ей было двадцать три года, она была общительной, веселой, неистойвой... защищенной, счастливой. Теперь стала спокойнее, веселость таилась лишь в глубине ее глаз.

— Дафна!

На углу Медисон-авеню она быстро обернулась, улышав сзади шаги, приглушенные снегом.

— А, Джек!

Это был Джек Хокинс, главный редактор ее нынешнего издательства «Харбор и Джонс». Его лицо покраснело от холода, светло-голубые глаза слезились на ветру.

— Может, подвезти?

Она покачала головой, улыбнулась и опять поразила его своей миниатюрностью, которую подчеркивала огромная норковая шуба. Руками в черных замшевых перчатках Дафна придерживала воротник.

— Нет, спасибо. Мне правда хочется пройтись. Я живу недалеко.

— Но уже поздно.

При виде нее ему хотелось ее обнять, как, впрочем, и другим мужчинам. Но он никогда этого не

делал. В свои тридцать три ей все еще можно было дать двадцать пять, а порой и двенадцать... Трепетная, свежая, нежная... но не только в этом дело. В ее глазах сквозила тоска независимо от того, каким бы эффектным ни было лицо. Дафна была одинокой женщиной, хотя этого не заслуживала. Но жизнь была несправедлива к ней, и ее уделом стало одиночество.

— Сейчас полночь, Дафф... — Он не решил, присоединиться ли к медленно удалявшейся остальной компании.

— Сегодня сочельник, Джек. И ужасно холодно. — Дафна усмехнулась, и чувство юмора проснулось в ней. — Я не думаю, что сегодня меня кто-то будет насиловать.

Он улыбнулся:

— Нет, но ты можешь поскользнуться и упасть на лед.

— Ну да! И сломаю руку, и не смогу несколько месяцев писать, ты об этом? Не беспокойся. Следующую вещь я сдаю только в апреле.

— Ну поедем, умоляю тебя. Выпьешь с нами.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку, похлопав по плечу.

— Иди. Не беспокойся. Я просто не хочу.

После этого она помахала ему, повернулась и быстро пошла по улице, уткнув подбородок в шубу, не глядя ни вправо, ни влево, не обращая внимания на витрины магазинов и лица редких прохожих. Ветер обвевал ее лицо, и ей было лучше, чем на вечеринке. Подобные встречи, как бы они ни были приятны, сколько бы там ни было знакомых, всегда были одинаковы и утомляли ее. Но в тот вечер ей не хотелось оставаться одной в своей квартире, не хотелось возвращаться мыслями к событиям этого года... не хотелось... это было невыносимо... Даже теперь, когда снежинки покалывали лицо, воспоминания возвращались, и она ускоряла шаг, словно хотела обогнать их.

Почти инстинктивно она добежала до перекрестка, взглянула, нет ли машин — их не было, — и не стала дожидаться зеленого сигнала светофора... словно

8 ла дожидаться зеленого сигнала светофора... словно

рассчитывая, что если будет бежать достаточно быстро и перебежит улицу, то ей удастся оставить позади воспоминания. Но они всюду неотступно следовали за ней... особенно в этот рождественский сочельник.

Перебегая Медисон-авеню, Дафна поскользнулась и чуть не потеряла равновесие. На углу она резко повернула налево, чтобы пересечь улицу, и не заметила длинный красный, набитый людьми автомобиль-универсал, спешивший проскочить на зеленый свет. Раздался крик женщины, сидевшей рядом с водителем, глухой удар, возглас кого-то из пассажиров, странно завизжали по льду колеса, и машина наконец остановилась. Наступила тишина. А потом все дверцы сразу открылись, и полдюжины человек выскочили наружу. Голоса, слова, крики — все умолкло, когда водитель, подбежав к ней, остановился: женщина, лежавшая на мостовой, напоминала маленькую порванную тряпичную куклу, брошенную лицом в снег.

— О господи... о господи...

Он на мгновение беспомощно застыл на месте, а затем бросил на женщину, стоявшую рядом, испуганный и злой взгляд, словно винить надо было кого-то другого, а не его:

— Бога ради, вызови полицию.

Потом он опустил на колени рядом с Дафной, решаясь к ней прикоснуться, боясь поверить, что она мертва.

— Она жива? — Другой мужчина встал на колени рядом с водителем. От него сильно пахло виски.

— Не знаю.

Не было ни пара от ее дыхания, ни движения, ни звука, ни признака жизни. И вдруг водитель, тронув ее, стал тихо плакать.

— Я убил ее, Гарри... Я убил ее...

Он протянул руки к своему другу. Они так и стояли, обнявшись, на коленях; между тем остановились два такси и пустой автобус, и водители выскочили наружу.

— Что случилось?

Внезапно все пришло в движение, начались разговоры, объяснения: она выбежала перед машиной... не посмотрела... он не увидел ее... скользко... не смог затормозить...

— Где, черт возьми, эта полиция, когда она нужна? — ругался водитель, а снег все шел и шел... и он почему-то вспомнил колядку, которую пел со всеми час назад... «Тихая ночь, святая ночь...» Теперь эта женщина лежит в снегу перед ним, мертвая или умирающая, а проклятых полицейских все нет и нет.

— Леди?.. Леди, вы меня слышите? — Водитель автобуса стоял на коленях рядом с ней, наклонившись, пытался почувствовать ее дыхание на своем лице.

— Она жива. — Он посмотрел на остальных. — У вас есть плед?

Никто не пошевелился. И тогда почти со злостью он произнес:

— Дайте ваше пальто.

Водитель красной машины на мгновение опешил.

— Господи, да ведь она, возможно, при смерти. Сними пальто.

Тогда тот торопливо подчинился, как и двое других, и они набросили на Дафну пальто.

— Не пытайтесь ее шевелить.

Старый чернокожий водитель автобуса со знанием дела подоткнул под нее тяжелые пальто и осторожно взял в ладони ее лицо, чтобы предохранить его от обморожения. Вскоре показался красный маячок «скорой помощи» — им досталась хлопотная ночь. Так всегда бывало в сочельник. Вслед за «скорой» приехала полицейская машина, мерзко завывая сиреной.

Бригада медиков сразу же бросилась к Дафне, полицейские, поняв ситуацию, двигались не так проворно. К ним поспешил водитель-виновник, уже более спокойный, но ужасно продрогший, ведь его пальто лежало на мостовой. Водитель автобуса наблюдал, как санитары осторожно положили Дафну на носилки. Она

10 не издала ни звука, ни стопа. Теперь он увидел, что

ее лицо было ободрано и порезано в нескольких местах, но, поскольку она лежала лицом в снег, кровь не текла.

Полицейский записал показания водителя и объяснил, что необходимо пройти проверку на трезвость, прежде чем его отпустят. Все остальные кричали, что он трезвый, что он выпил в этот вечер меньше других, а пострадавшая выбежала перед машиной, даже не посмотрев, и на красный свет.

— Извините, так положено. — Полицейский не проявлял ни особой симпатии к водителю, ни каких-либо эмоций, когда взглянул на лицо Дафны. Еще одна женщина, еще одна жертва, еще один случай. Он видал и похуже. Почти каждый вечер нападения, избиения, убийства, изнасилования.

— Жива?

— Ага, — кивнул шофер «скорой помощи». — Пока.

Они как раз надели кислородную маску и распахнули норковую шубу, чтобы проверить, бьется ли сердце.

— Но мы можем ее не довезти, если не поторопимся.

— Куда повезете?

Полицейский торопливо писал рапорт: «Белая женщина неопределенного возраста... вероятно, около тридцати лет».

Водитель «скорой», обернувшись, предложил:

— Повезем в Ленокс-Хилл, это ближе всего. Я не думаю, что она дотянет дальше.

— Документов нет?

Это была бы еще одна проблема. Они уже отправили две неопознанные жертвы в морг нынешней ночью.

— Нет, у нее есть сумочка.

— О'кей, мы едем за вами. Я все перепису там.

Шофер кивнул и скрылся в кабине, а полицейский вернулся к дрожащему водителю, который наконец надел свое пальто.

— Вы собираетесь меня задержать? — Теперь он выглядел испуганным. Для него Рождество мгновенно превратилось в ночной кошмар, когда он вспомнил Дафну, лежащую лицом вниз на мостовой.

— Только если вы пьяны. Мы можем проверить вас на трезвость в больнице. Пусть один из ваших друзей сядет за руль, и следуйте за нами.

Водитель кивнул и скользнул в машину, велел одному из друзей сесть за руль. Когда они ехали за двойным воем сирен в Ленокс-Хилл, больше уже не было ни разговоров, ни радости, ни смеха. Было только молчание.

Глава 2

В приемном отделении царила атмосфера безумной активности, сновали толпы людей, одетых в белое, которые, однако, двигались с точностью артистов балета. Бригада из трех медсестер и врача-ординатора немедленно приступила к работе, как только санитары вкатили Дафну. Были вызваны еще один ординатор и врач-интерн. Норковая шуба была отброшена на стул, торопливо разрезалось платье. Это было сапфирово-голубое бархатное вечернее платье, которое она купила у «Джорджио» в Беверли-Хиллз* в начале зимы, но теперь это не имело значения...

— Перелом таза... сломана рука... рваные раны обеих ног...

На бедре у нее была глубокая рана, из которой теперь струйкой лилась кровь.

— Едва не задело бедренную артерию.

Ординатор быстро измерил давление, проверяя пульс, наблюдая за дыханием. Дафна находилась в шоке, и ее лицо было таким же белым, как лед, на котором она лежала. Вся она теперь носила печать какой-то удивительной отрешенности, обезличенности, анонимности. Она была просто очередным телом. Просто очередным случаем. Но серьезным случаем. И все знали, что следует работать быстро и хорошо — только тогда удастся ее спасти.

12 * Беверли-Хиллз — фешенебельный пригород Лос-Анджелеса. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Одно плечо было вывихнуто, рентген должен был показать, сломана ли нога.

— Травма головы? — спросил второй интерн, приступая к внутривенному вливанию.

И подтвердил кивком:

— Серьезная.

Старший интерн нахмурился, когда осветил ей фонариком в глаза:

— Господи, можно подумать, что ее сбросили с вершины Эмпайр-стейт-билдинга*.

Теперь, когда Дафна уже не лежала на льду, все лицо было в крови, и необходимо было наложить с полдюжины швов.

— Позови Гарисона. Он может понадобится.

Тут была работа и для старшего пластического хирурга.

— В чем дело?

— Сбила машина.

— Сбили и смылись?

— Нет. Он остановился. Полицейские говорят, у него такой вид, будто его сейчас кондрашка хватит.

Сестры молча наблюдали за работой склонившихся над Дафной интернов, а затем медленно перевезли ее в рентгеновский кабинет. Она все еще не двигалась.

Рентген показал перелом руки и таза, трещину бедренной кости; травма черепа оказалась не столь серьезной, как они опасались, но сотрясение мозга было тяжелым — могли наступить конвульсии. Через полчаса ее положили на операционный стол, чтобы сложить кости, зашить лицо и сделать все, что можно, чтобы спасти ей жизнь. Не обошлось без внутреннего кровотечения, но, учитывая ее комплекцию и силу, с какой машина ее ударила, ей вообще повезло, что она осталась жива. Очень повезло. Хотя и сейчас состояние Дафны внушало опасение. В половине пятого утра ее перевезли из операционной в отделение интенсивной терапии, где дежурная

* небоскреб в Нью-Йорке.

сестра подробно ознакомилась с историей болезни и посмотрела на пациентку с выражением крайнего изумления.

— В чем дело, Ваткинс? Вы что, не видели таких случаев?

Дежурный интерн цинично взглянул на сестру, она обернулась и с досадой прошептала:

— Вы знаете, кто это?

— Ну да. Женщина, которую сбила машина на Медисон-авеню прямо перед полночью... перелом таза, трещина бедра...

— Знаете что, доктор, вы гроша ломаного не будете стоить в своем деле, если не научитесь видеть больше.

На протяжении семи месяцев она видела, что он делает свое дело умело, но с очень малой долей гуманности. У него была техника, но не было сердца.

— Ладно, — произнес он с усталым видом. Общение с медсестрами не доставляло ему особого удовольствия, но он понимал, что это необходимо. — Так кто же она?

— Дафна Филдс. — Она произнесла это почти с благоговением.

— Прекрасно. Но это не значит, что, если я узнал, как ее зовут, у нее стало меньше проблем.

— Вы никогда не читали ее книг?

— Я читаю книги и журналы по медицине, — произнес он самоуверенно готовую фразу и тут же вспомнил. Его мать читала все ее книги. Ершистый молодой врач на мгновение умолк, а затем спросил: — Она знаменита, да?

— Она чуть ли не самая известная писательница у нас в стране.

— Это ей не помогло сегодня ночью. — он вдруг с сожалением посмотрел на маленькое неподвижное тело под белыми простынями и кислородной маской. — Справила, называется, Рождество.

Они долго смотрели на нее, а затем медленно вернулись к сестринскому пульту, где мониторы сообщали о жизненных функциях каждого пациента, находя-

14 щегося в ярко освещенном отделении интенсивной

терапии. Здесь нельзя было отличить день от ночи. Все шло одинаково размеренно двадцать четыре часа в сутки. Некоторых клиентов чуть не до истерики доводил постоянный свет, гудение мониторов и аппаратуры жизнеобеспечения. Это было не самое спокойное место, но большинство пациентов в отделении интенсивной терапии были слишком слабы, чтобы замечать что-либо.

— Кто-нибудь заглянул в ее документы, посмотрел, кого нам следует известить? — Сестра не сомневалась, что у такой женщины, как Дафна, должна быть толпа людей, проявляющих о ней заботу: муж, дети, агент, издатель, важные друзья. Однако из газет она знала, как ревностно Дафна оберегала свою личную жизнь. О ней почти ничего не было известно.

— У нее ничего не было, кроме водительского удостоверения, небольшой суммы денег, нескольких квитанций и губной помады.

— Я посмотрю еще раз.

Она достала большой коричневый крафтовый конверт, который уже собирались положить в сейф, и, просматривая вещи Дафны Филдс, почувствовала себя неловко, хотя и понимала, что делает важное дело. Она прочла все книги этой женщины, влюблялась в героев и героинь, порожденных фантазией писательницы, и многие годы относилась к самой Дафне как к своему другу. А теперь так запросто копалась в ее сумочке. Люди в книжных магазинах часами ждали в очереди, только чтобы получить улыбку и автограф в книге, а она тут обшаривала ее вещи как обычный вор.

— Вы ее почитательница, не так ли? — Молодой ин-терн был заинтригован.

— Она удивительная женщина с необычным складом ума. — По глазам сестры видно было, что она недоговаривает. — Многим людям она подарила радость. Когда-то... — Она чувствовала, что глупо это говорить ему, но так было надо. Это был ее долг перед женщиной, которая теперь отчаянно нуждалась в их заботе. — Когда-то она изменила мою жизнь... вернула мне надежду... веру в себя.